

— Тогда двадцать шесть вэней, — серьёзно сказал Цинь Хэ.

Он ведь и правда повысил цену. На одну монету.

Мастера Фэна чуть удар не хватил. Вот это молодожёны, подумал он, да такие прижимистые! Обычно новобрачные тратят без счёта: сколько скажешь, столько и отдадут. А эти... будто каждый вэнь - последний. Что уж тут говорить, видно, купеческая жилка, она и в молодом возрасте даёт о себе знать. И неважно, сколько лет, если в крови, значит, никуда не деться.

— Да добавь ещё немного! — взмолился мастер уже в отчаянии.

— Нет, цена окончательная, — невозмутимо отрезал Цинь Хэ. По выражению лица старика он понял: настоящая цена - именно в этом диапазоне, и выше просили просто на удачу.

Поторговались они ещё добрый десяток минут, кружа вокруг одной единственной монеты, словно речь шла о сундуке золота. В конце концов, после всех вздохов, жестикуляций, пауз и финального обмена взглядами договорились. За двадцать шесть.

Два сына плотника стояли в полном изумлении, с открытыми ртами, будто только что услышали божественное откровение. А сам мастер вытер пот со лба платком и, тяжело вздохнув, сказал:

— Вот уж поистине не зря говорят, что делец виден сразу. Этому шуаньэру честь и хвала: одну монету выторговал, а мне за это полголовы проговорить пришлось. Теперь той монеты не хватит, чтобы горло вылечить!

Эрлан уставился на Цинь Хэ с восхищением и простодушно воскликнул:

— Ты и правда свиреп! Ты первый, кто смог так долго спорить с моим отцом за одну монету, да ещё и довёл его до того, что он сам сдался! Обычно наоборот бывает, люди не выдерживают, начинают злиться, и, чтобы не слушать его занудства, просто отдают лишние деньги лишь бы поскорее отвязаться.

Цинь Хэ расплылся в довольной улыбке:

— Жизнь штука трудная. А одна монета - это тоже деньги.

Фэн-далан прикрыл рот, потом открыл его снова, словно не знал, говорить ли вслух, и наконец всё же решился:

— В следующий раз, если придёшь, обязательно приходи, когда я буду дома. Мне уж очень интересно, кто из вас с отцом выйдет победителем во втором раунде.

Едва он договорил, как получил от отца оплеуху по затылку.

— Тупица! — рассвирепел мастер Фэн. — Даже шуангэру словом не можешь возразить, зачем ты мне вообще?!

Фэн-далан, потирая голову, буркнул:

— А ты сам разве победил его в споре?

Мастер Фэн тут же надулся, глаза вытаращил, борода задрожала:

— Ты что сейчас сказал?!

— Ай-ай, отец, я вспомнил, у меня там дела, не доделал, — и, не дожидаясь повторного удара, Фэн-далан юркнул вглубь дома, как мышь под веник.

Цинь Хэ весело хихикал, наблюдая, как Фэн Дацян гоняет своих сыновей, и, не теряя настроения, сказал Куй У передать деньги за покупку. Расплатившись, они пошли дальше, теперь к фруктовой лавке.

В эпоху Юнци, без теплиц и технологий хранения, зима сильно ограничивала выбор фруктов. Всё, что предлагалось, это немного "внесезонных" плодов, хранившихся в ледниках. Стоили они баснословно, совсем не подходили для изготовления конфет: себестоимость взлетит до небес. Но и делать конфеты с одним только сладким вкусом, без каких-либо добавок тоже риск: такие сладости быстро наскучат, да и продать их будет непросто.

— Слишком дорого, да? — Куй У, хоть и не был купцом, но в делах понимал, как и положено мужчине, всю жизнь крутившемуся по рынкам. — Ты же берёшь фрукты не целиком, а просто чтобы вкус был?

Цинь Хэ с печальным лицом кивнул.

— Тогда используй цукаты, — подсказал Куй У. — То есть засахаренные фрукты.

Цинь Хэ будто прозрел, глаза сразу засияли - действительно, почему он сам не подумал!

Засахаренные фрукты - отличный вариант: вкус яркий, они уже сладкие, аромат концентрированный, да и стоят дешевле свежих, особенно вне сезона. Тем более, цена на цукаты варьировалась в зависимости от того, из чего они были сделаны - из редкого или дешёвого фрукта. А значит, можно будет регулировать стоимость конфет в зависимости от ингредиентов. И выбор больше, и рентабельность выше.

— Далан, давай возьмём засахаренные фрукты, — сказал Цинь Хэ, осматривая магазин.

— В нашем магазине есть, есть, — с улыбкой отозвался лавочник. — Прошу, уважаемые господа, пройдите сюда.

Зимой выбор свежих фруктов был скуден, а вот с засахаренными и вялеными фруктами дела обстояли куда лучше. Хотя стоили они на одну-две монеты дороже, чем в сезон, зато и спрос был куда выше - как раз горячая пора для торговли таким товаром. В лавке даже выделили специальный угол, заставленный лотками с цукатами. Каждый вид аккуратно разложен по отдельным деревянным ячейкам, с чётко проставленными ценами. Всё по категориям: от дешёвых до дорогих, от 5 до 35 вэнь за цзинь.

Самыми доступными были сделанные из привычных местных плодов, к примеру, курага, сушёные сливы и абрикосы. Чуть подороже стоили сушёные персики, груши, мушмула, уцзянские сливы, красные и синие сливы, копчёные сливы. А на верхней полке - деликатесы: сушёный личи и лонган, настоящая роскошь, особенно ценимая знатью, ведь ещё с прошлой династии, благодаря любви одной императорской наложницы к личи, этот фрукт считался признаком изысканного вкуса.

Цинь Хэ всё тщательно пересчитал и выбрал около десятка разновидностей в основном из более доступной ценовой категории. Дорогие личи и лонган взял понемногу, чисто для пробы и добавки «особого вкуса».

В придачу они купили 5 цзиней белого сахара по 30 вэнь за цзинь, всего на 150 вэнь. Засахаренные фрукты обошлись ещё в 100 вэнь. Итого, весь закуп составил 250 вэнь. Начальный капитал.

На вид закуп вышел дороговатым, но на самом деле этих ингредиентов хватит на очень большое количество конфет. Отвар из цукатов сам по себе обладает насыщенной сладостью и ярким ароматом, так что его вполне можно использовать как основу для вкуса. Однако если опираться только на цукаты, то себестоимость каждой конфеты станет слишком высокой. Поэтому основным ингредиентом остаётся белый сахар, а засахаренные фрукты выступают как вкусовая добавка.

Цинь Хэ не стал сразу варить сироп из фруктов, как делают многие. Вместо этого он сначала заливал цукаты кипятком и настаивал, чтобы вытащить вкус и аромат в воду без лишнего расхода. После остывания эту настойку смешивал с нужным количеством сахара и уже тогда доводил до кипения. Этого было вполне достаточно, как только вода закипит, аромат сохранится, а вкус станет ярким.

Твёрдые конфеты делались просто: готовый сироп выливался в формы и оставлялся застывать. Мягкие конфеты требовали больше усилий: для них он замешивал тесто из сиропа и муки, мешал строго в одну сторону, доводя до густой, клейкой массы. После этого давал тесту немного «отдохнуть», чтобы оно схватилось, а затем варил его на пару, выпаривая лишнюю влагу до состояния липкого, плотного теста. На этом этапе использовал ткань-пароварку,

чтобы отцедить остатки жидкости. После чего переливал массу в формы и мягкие конфеты были готовы.

Готовые мягкие конфеты можно было обвалить в сахаре для дополнительной сладости и защиты от прилипания, но можно было оставить и так. Благодаря отвару из цукатов они уже имели богатый, натуральный фруктовый вкус - у каждой партии свой: сливовый, грушевый, персиковый, личи...

Цинь Хэ не припоминал, чтобы в местной лавке он встречал такие мягкие конфеты. Это дало ему внутреннюю уверенность, ведь новизна всегда привлекает. А уж сладкоежек, готовых попробовать что-то необычное, в любой эпохе хватает.

— Далан, попробуй, — позвал он.

Но Куй У не стал брать прозрачную конфету со вкусом личи, а выбрал мягкую конфету с персиковым вкусом. Аккуратно откусил и сразу кивнул:

— И правда есть привкус персика. Не слишком яркий, но отчётливый. Сразу ощущается.

Цинь Хэ тоже положил себе одну в рот и не сдержал лёгкой улыбки. Действительно, сладкий вкус, пусть даже простой, будто растворяет всё напряжение. Становится тепло и спокойно.

Он дал Куй У попробовать и твёрдую конфету, но тот, разжёвывая, сказал:

— Мне всё же мягкие больше по душе.

— А они, кстати, и дешевле выходят, — заметил Цинь Хэ. — Хоть и заливаются тем же сиропом, но в мягких есть мука, она держит форму, и потому меньше уходит сахара. Себестоимость ниже.

Он прикинул в уме:

— Полцзиня сахара и цзинь цукатов дают около цзиня конфет. Если не брать в расчёт дорогие вкусы как личи и лонган, то все остальные можно выставить по одной цене. Скажем, тридцать два вэня за цзинь. А личи и лонган - там цена выше: сорок и сорок три вэня соответственно.

Сушёные личи и лонган, из-за своей высокой цены, были куплены в небольшом количестве, всего из этих двух вкусов получилось полцзиня конфет.

Куй У прикинул - в убыток не выйдет. Если продать все эти конфеты, можно будет заработать около восьмидесяти вэнь. Для обычной крестьянской семьи это очень неплохая прибыль. Хотя вполне возможно, что в итоге от всей суеты останется всего восемь вэнь, ведь он сам пообещал

нескольким братьям, что возьмёт с них лишь десятую часть прибыли.

Куй У с трудом отвёл взгляд от Цинь Хэ, лицо у него было сложное, будто слова застряли где-то в горле и не хотели выходить. Только спустя некоторое время он с хрипотцой, будто с усилием, всё же произнёс:

— Фулан, я... прости меня.

Теперь уже Цинь Хэ застыл в растерянности, уставился на него круглыми глазами:

— Что ты вдруг извиняешься? Ты чего натворил? Неужели за моей спиной успел что-то нехорошее сделать?

Прищурившись, он начал быстро прокручивать в голове возможные сценарии. Первым, что пришло на ум - Куй У завёл шашни на стороне. Может, увлёкся какой-нибудь девушкой? Тогда кто это могла быть? Разве только та, из семьи Сян, ведь он знал лишь её, и, насколько помнил, они раньше были довольно близки.

— Это из-за моих братьев, — тихо сказал Куй У. — Если бы не я, ты бы не стал всё это затевать. Столько трудов, а в итоге ничего не осталось.

— Вот оно что, — Цинь Хэ с заметным облегчением выдохнул. Он-то уже было подумал, что Куй У где-то на стороне «цветочек сорвал». — Это ведь нормально. У твоих братьев сейчас трудности, а ты хочешь им помочь, и я, разумеется, тоже помогу. Потом, если вдруг и у нас что-то случится, они нам точно так же помогут. И потом, это же не навсегда. После праздников, уж прости, буду брать по полной, ни монетки меньше.

— Само собой, — тут же заверил Куй У. — Не беспокойся, я всё объясню братьям. Это твоя добрая воля, они должны это понимать и ценить.

Цинь Хэ рассмеялся.

— Ладно, пусть конфеты пока остынут. А ты ступай, предупреди их - с завтрашнего дня можно начинать продавать.

— Будет сделано, — ответил Куй У и тут же вышел из дома, шагая легко и весело.

На следующее утро его четверо братьев уже были на месте. Из них двое были уже женаты, а двум остальным было около шестнадцати-семнадцати лет, как раз в том возрасте, когда начинают свататься.

— Невестка, меня зовут Чу Дачжуан, я пятый по счёту, — представился долговязый юноша.

Он был очень худой, почти прозрачный, зато высокий, будто на тонкой соломинке держится большая голова, что создавало немного жутковатое впечатление. Но в глазах его светился живой огонёк: глядя на людей, он смотрел прямо, не отводил взгляда, не боялся, и в этой искренности было что-то располагающее. Именно из-за таких глаз к нему тянулись, с ними он уже не казался пугающим.

Такой юноша, скорее всего, либо страдает от проблем с желудком, либо недавно резко пошёл в рост, и организму банально не хватает питания. Подумаешь, если поест чего-то получше, всё наладится. Хотя при нынешней жизни много не поешь, да и еда в дефиците. Хорошо хоть, что сам по себе парень толковый, с Куй У по торгам ходит, наверняка уже отложил прилично серебра. Когда узнаются получше, можно будет мягко намекнуть: не стоит так уж на всём экономить.

Пока Цинь Хэ об этом думал, с улыбкой кивнул в ответ.

Оставшихся троих звали Цзян Чжэндун, Тан Шоуяй и Нин Чэнши.

Цинь Хэ ничего не сказал, просто смотрел, как Куй У раздаёт им по два цзиня конфет. Четверо без лишних разговоров тут же отдали оговорённую цену - не стали выгадывать или жалеть монет, даже не спросили, получится ли всё продать. Куй У тоже не стал ломаться - дело изначально было убыточным, так что деньги он принял сразу, без колебаний.

— Далан, я пойду с тобой, — Цинь Хэ окликнул уходящего Куй У, запер за собой дверь и пошёл вместе с ним.

Он не мог отпустить Куй У одного, кто знает, не распугает ли тот с его мрачной физиономией, всех покупателей.

Куй У привёл его в самый оживлённый угол внешнего города - на улицу Бэйцзяо. Здесь, с самого утра, торговцы уличной едой уже всю зазывали покупателей, а людской поток на улицах не иссякал, кто-то постоянно останавливался, чтобы что-то купить.

Они подошли к лавке хучжэней, и Куй У зашёл внутрь поздороваться с хозяином.

— А, это Куй-далан, — управляющий лавки как раз склонился над счётом, но, подняв голову и увидев Куй У, тут же расплылся в улыбке. — Что ты сегодня принёс хорошего?

При этом он вытянул шею, чтобы заглянуть за Куй У, но не увидел на улице ни повозки, ни быков с грузом и слегка удивился. Однако сразу же обратил внимание на стоящего рядом Цинь Хэ, было видно, что он его узнал.

— Сегодня Куй-далан сопровождает своего фулана на прогулку? Тогда заходите, заходите! У меня тут в лавке диковинок полно. Хотя тебе, Куй-далан, это не в новинку, но твоему фулану,

может, будет интересно.

Цинь Хэ в этот момент наконец улыбнулся и вежливо поприветствовал:

— Ху-чжангуй*.

(ПП: чжангуй - управляющий)

Управляющий улыбнулся ещё шире, глаза от этого и вовсе превратились в щёлочки.

Куй У незаметно прикрыл собой Цинь Хэ, не давая другим на него заглядываться:

— Сегодня я пришёл по делу, хочу кое-что обсудить с Ху-чжангуем.

— Что за разговоры, Куй-далан? Мы же с тобой давние знакомые, какие там церемонии - говори прямо, чего хочешь.

— Мой фулан сделал немного конфет, мы хотим их продать. Пришёл спросить, можно ли занять местечко перед вашей лавкой.

— А я уж подумал, что серьёзное, — тут же махнул рукой управляющий. — Из-за такой ерунды ты ещё и «обсуждать» говоришь? Да пожалуйста, ставьте лоток где хотите.

Он даже не придумал значения тому, что продавать будут конфеты - в это время перед праздниками многие семьи что-нибудь готовят на продажу. За несколько дней до нового года таким способом можно выручить сотню-другую вэней.

Куй У поблагодарил и вместе с Цинь Хэ вышел наружу, устроив небольшой лоток у входа в лавку. На деле это был всего лишь небольшой плетёный короб. Они раскрыли крышку, и внутри, на чистом деревянном поддоне, ровно разложены лежали разноцветные конфеты. Поставив поддон прямо на корзину, они разложили сладости ровным слоем - в солнечном свете они сверкали, словно стеклянные камешки, отливая всеми цветами радуги.

Их товар был и красив, и появился вовремя. Очень скоро несколько прохожих остановились у лотка с интересом.

— Младший брат, почём у тебя эта сладость? — покупатель инстинктивно проигнорировал Куй У и обратился напрямую к Цинь Хэ.

Цинь Хэ с улыбкой ответил:

— Тридцать два вэня за цзинь. Белые конфеты - вот эти спереди - по сорок, а те, что сзади, по сорок три.

Молоденькая госпожа с интересом наклонилась над лотком, разглядывая разноцветные конфеты, очевидно, находя их очень милыми.

— А почему белые такие дорогие? Они ведь не такие красивые, как другие, — с сомнением спросила она.

— Потому что эти два вида со вкусом личи и лонгана, — пояснил Цинь Хэ.

— Личи?! — девушка воскликнула. — Так вот в чём дело!

В это время мимо проходила старушка, ведя за руку пухленького мальчишку лет восьми-девяти. У ребёнка были зоркие глаза, он тут же заметил блестящие, яркие конфеты и, разумеется, остановился.

— Бабушка, я хочу конфетку! — малыш вырвался из рук старушки и бросился к Цинь Хэ, присел на корточки перед его корзиной, с вожделением уставившись на конфеты. Из приоткрытого рта чуть не потекли от слюнки.

Старушка сжала мешочек с деньгами в руке и неохотно подошла.

— Почём?

Цинь Хэ повторил цену.

— Вот ещё, как дорого! — буркнула старушка.

— Белый сахар и сам по себе стоит тридцать вэней за цзинь, — спокойно пояснил Цинь Хэ. — А у меня уже готовые конфеты, тридцать два - это совсем недорого.

— Бабушка, я хочу! — потянул её за подол ребёнок, облизываясь.

— Обман для детворы, — старушка сморщила нос и недовольно пробормотала, но всё же сказала: — Ну, давай немного.

Сказала «немного», а дала всего один вэнь.

Цинь Хэ не стал принимать. Но малыш не понял, он решил, что раз бабушка уже расплатилась, то можно. Он мигом запустил руку в корзину, схватил горсть ярких конфет и быстро засунул их

В ПОТ.

<http://bllate.org/book/13598/1205828>